

АВТОБИОГРАФИЯ

Детство

Родился я в Дагестане, где недолго проживала семья моего отца, Чиркина Павла Ивановича, уроженца Саратовской губернии. Но детство моё до 8-и лет прошло в селе Красном Орловской области. Там сложился мой национальный менталитет, я освоил и полюбил родной русский язык, на котором разговариваю и пишу.

Интересны крестьянские усадьбы в той части села, где мы жили. Сразу к избе примыкали навесы для инвентаря, запаса дров, помещений для скота с воротами в «огород». Были и уличные, «тесовые» ворота с калиткой непосредственно к дому. Именно их мазали дёгтем, если дочь хозяина теряла девственность до замужества.

Сразу за огородом располагался фруктовый сад. После сада простиралось обширное, до одного гектара, поле под картофель и зерновые культуры. Оно не огораживалось, но по межам высаживались деревья, колючие кусты шиповника и тёрна.

При советской власти для крестьян-колхозников установили норму придомового землевладения в 0,5 гектара, а «лишнюю» землю «отрезали», т.е. запрещали пользоваться. Отрезки эти стояли непахаными и зарастали бурьяном. Как тут не вспомнишь народное: ни нашим, ни вашим...

За полем склон оврага занимал участок лиственного леса, в котором любила играть «в войнушку» уличная детвора. Я часто бывал выдумщиком и заводилой, возможно и поэтому в дальнейшем за нашим участком осталось название «Чиркин лес». Ещё ниже, на сыром дне оврага, под «барским боком» находился колодец с вкуснейшей ключевой водой в низком дубовом срубе. Тропинка к нему проходила рядом с нашей изгородью.

Отец выстроил на усадьбе небольшой домишко, сам сложил в нём печи. В семье постепенно народилось семеро детей: пятеро мальчишек и две девочки. Я был вторым ребенком.

Отец вёл честный образ жизни, и жили мы весьма небогато. Иногда мать упрекала отца: «Все начальники несут, везут домой, а ты всё боишься!» Отец терпеливо сносил упрёки, а мне сказал однажды: «Мама права, я не ворую, зато за мной не придут ночью и не скажут: «Пошли, ты взял лишнее». По такому принципу прожил жизнь и я.

Персональных кроватей и одеял у нас не имелось, и спали мы по двое, «валетом», на самодельных «топчанах». От холода спасало то, что печи

топили очень жарко. А когда простывали на улице – лечились на широкой русской печи.

Отец в то время работал главным зоотехником района и уезжал на лошади рано утром, а приезжал ночью. Наша мать никогда не ложилась спать до его возвращения. Он, зная это, стремился домой в любую погоду, даже из дальних поездок. Их любовь и преданность осталась для меня примером семейной жизни.

Основное воспитание, бытовые навыки я получил от матери – образованной, талантливой, интеллигентной женщины. Она хорошо рисовала, красиво вышивала, вкусно готовила, любила петь, а отец мастерски играл на гитаре. Иногда родители устраивали семейные концерты, исполняя душевные песни, романсы под гитару. С тех счастливых времён и я люблю застольное пение.

Мама привила мне вкус к чтению. От неё я в достатке получал ласку и внимание к своим мечтам и запросам. Она же защищала и прятала меня от скорого на руку отца, когда я шкодил по-серьёзному. Я помогал маме по хозяйству в заботах о младших братишках, так как сестрёнка была моложе меня. Мама часто называла меня «соловушка».

Если зимой отец приезжал рано, то бросал на пол в жарко натопленной комнате огромный овчинный тулуп, ложился на него, а детвора пристраивалась рядом. Он рассказывал сказки, читал стихи. Мама садилась невдалеке за починку одежды и тоже слушала. Наверное, тогда и зародился во мне дух сочинительства...

Себя я помню лет с пяти. Где-то гремела война. Немцы подступали всё ближе. Отец почти не бывал дома, организовывая эвакуацию скота глубже в тыл. В армию его не взяли, так как в детстве его покалечила лошадь. Отец пересылал нам какие-то продукты, купленные в деревнях, чаще – зерно и овёс. Мы размалывали его на самодельной мельнице, и из полученной муки мама пекла лепёшки, делала «затируху», варила густой овсяный кисель. Его брали ложкой, обмакивали в подсоленную воду и ели. Вкус – незабываемый!

Наступал перелом в войне, и к нам в село ночью прибыла с Дальнего востока артиллерийская батарея – молодые, рослые парни. Они баловали детей сухарями, угощали кусковым сахаром, а подросткам дарили настоящие боевые гильзы от патронов. Все сразу полюбили весёлых, жизнерадостных сибиряков. От них веяло силой и уверенностью в нашей победе. Ушли они также внезапно в сторону города Ельца, где шли тяжелые бои с фашистами. Несколько дней грохот орудий и взрывы слышался и у нас, за 30 километров. Затем всё стихло, «фрицев» погнали прочь.

С детства у меня плохая память на лица и даты, поэтому я не называю точного времени того или иного события, лишь их последовательность и яркость восприятия. Вот и год начала учёбы в школе не помню. В памяти остались квадратные куски манного пудинга, сваренного на воде, отчего он имел голубоватый цвет. Им нас подкармливали в школе. Сверху пудинг поливали калиновым киселём без сахара, и он казался полуголодным детям вкуснятиной, невиданной дома.

Времена были лихие, и наш дом охраняла овчарка Джим, выдрессированная отцом. Пёс трогательно опекал и защищал свинку Чушку. Вначале маленькая Чушка уютно устраивалась понежиться между мохнатых лап старшего друга, а когда выросла – сама грела спиной Джима. Джим охотно сопровождал подружку в путешествиях по убранным огородам, а зимой, запряженный в сделанную отцом шлейку, катал нас на санках. Если, озоруя, мы устраивали в санках «кучу малу», он дёргал их в бок, вываливал нас в снег и убегал. Иногда отец давал ему в зубы сумку, где лежал кошелёк с деньгами и командовал: «Хлеб!» Пёс мчался к магазину и приносил хлеба, так как продавщицы его знали. Погиб Джим трагически, защищая зимой ночью наш скот от стаи волков. Даже находясь на цепи, он насмерть загрыз одного из зверей, но пока на шум с ружьём выскочил отец и выстрелами разогнал хищников, Джима сильно покусали. Умер он дома от потери крови. Вся семья плакала над любимцем.

В первом классе я познал сильнейшее чувство первой любви к однокласснице Тамаре Молчановой. Из-за возникшей робости предложить дружить в открытую – «водиться», я не решился, и любовался ею издали. Но нас все равно дразнили: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» Вскоре отца Тамары – директора нефтебазы – перевели работать в другое место, и они уехали. Меня же всю жизнь преследует желание найти её и объяснить в том чистом детском чувстве, да всё недосуг...

Малоархангельск

Примерно в 1944 году, летом, отца неожиданно переводят в другой конец области, в Малоархангельский район. Там после ухода фашистов нужно было готовить кадры из подростков и вернувшихся из госпиталей солдат для работы в сельском хозяйстве взамен погибших на фронтах. Отказаться он, член партии, не мог. Пришлось за бесценок продавать дом, имущество и собираться в дорогу. Старшему брату Юрию было лет одиннадцать, мне – около восьми, остальные – мал-мала меньше. Такой «перевод» был равнозначен насильственной репрессивной ссылке.

На перевозку семьи выделили «пароконную фуру» – большую повозку с бортами. В неё сложили самое необходимое, усадили малышей, в задке пристроили клетку с курами, сбоку привязали корову. Охраняла семью

новая овчарка Джек. Взрослые и старшие дети шли пешком, принаравливаясь к коровьему шагу. Часа через два-три в подходящем месте делали привал, «треножили» лошадей, доили корову, привязывали её на длину вожжей пастись, разжигали костёр, варили еду. Выпускали пощипать травку и кур. Джек следил, чтобы они не разбрелись. Ехали несколько дней, ночевали под телегой. Брезентового полога, как у цыган, не было, и нас частенько мочил дождь.

Провинциальный городок Малоархангельск вспоминается несколькими эпизодами.

Во-первых, после страшных боёв, которые прошли в тех местах, на полях и в оврагах находилось много подбитой, обгоревшей фашистской техники: машин, пушек, танков. Мы, пацаны, всё облазили и исследовали. В земле прятались необезвреженные мины, на которых подрывались люди и животные. Однажды мы набрали в найденную фашистскую каску грачиных яиц и решили пожарить себе яичницу на сорванном с башни танка люке. Одно яйцо оказалось «болтуном», т.е. испорченным, и я кинул его далеко в кусты. Неожиданно там взорвалась мина.

В Малоархангельске нас застал День Победы. В городке организовали всеобщее гуляние с угощением. Все плакали, смеялись, пили водку, пели, обнимались, милиционер стрелял в воздух из нагана. Людей угощали солдатской кашей из полевой кухни и жёлтыми, неподражаемо вкусными блинами из американского яичного порошка. Пекли их тут же на сковороде из днища бочки, которую смазывали солидолом.

В то трудное время за учебный год я сменил три школы, сильно отстал и остался на второй год во втором классе. А ещё мне не давалась таблица умножения. И отец, и мать долго изобретали различные методы обучения, но я не мог запомнить и половины. Поздно вечером отец вышел из себя, поставил меня в угол и заявил: «Будешь стоять, пока не выучишь!».

Через два часа таблицу я выучил и помню до сих пор.

Снова в путь-дорогу

В Малоархангельске отец начал строить новый дом. Поставили сруб, накрыли крышу, настелили полы. Увы! Снова вызов в райком, и снова в путь-дорогу, теперь на автомашине «полуторке», в Мценский район. Там тоже нужно было что-то возглавлять, восстанавливать, организовывать после ухода фашистов.

За несколько лет нам пришлось пожить в городе Орле, в селе Хотынец, в селе Чермошны, в деревне Кикино. В селе Отрада отец построил третий по счёту дом. Но и в нём пожил недолго...

Нужно пояснить: в то время член партии без ведома райкома не мог поменять место работы. И никто не имел права принять его на работу.

Однажды отец отказался подписать акт о списании разворованной продукции. Ему отомстили, уволив с работы по сфабрикованному доносу и месяца два не давали работу. За это время он потерял непрерывность стажа, а семья из девяти человек голодала.

Кочевая жизнь оставила нас, детей, без друзей детства, без «малой Родины». В дальнейшем я легко менял место жительства и чувствовал себя своим всюду, где говорили на русском языке и пели родные песни.

Вторая мама

Неустроенная жизнь подорвала здоровье мамы. В селе Отрада на сорок втором году жизни она умирает. Перед отцом встала проблема: как жить дальше? Во-первых, он очень любил жену, а во-вторых, на руках осталось шестеро детей, младшему из которых было лет пять. Старший сын Юрий в те годы служил в армии.

После возвращения с похорон, я увидел, как отец, оглядываясь по сторонам, спрятал бельевую верёвку за пазуху и крадучись пошёл к сараю. Сердце подсказало близкую беду. Я кинулся к нему, обнял, заплакал. Отец тоже прижал меня к себе, заплакал и вернулся в дом. Кризис отчаяния миновал.

Вскоре он привёл в дом знакомую нам женщину – «тётю Дусю» – Евдокию Васильевну Чубарову. Она жила на нашей улице, мы её хорошо знали. Муж у неё погиб на фронте, и она одна растила двоих детей – наших одногодков, а жила в доме брата.

Можно удивляться и восхищаться мужеством, даже героизмом этой простой, мудрой, высокоорганизованной русской женщины, не побоявшейся «пойти» на шестерых детей. Фактически, она стала нашей второй матерью, особенно для младших. Как она успевала заботиться о восьмерых детях – женский «секрет», основанный на любви, трудолюбии и ответственности. Примером для нас остались и их супружеские отношения.

Мы, дети, никогда не слышали, чтобы родители ссорились. Правда, иногда кто-то из них предлагал: «Ну что, мать (отец): с делами управились, пойдём, прогуляемся». Вот там, «гуляя», они и решали возникшие проблемы, не подрывая своего авторитета перед детьми. В моей семье это сохранить не удалось.

По другой семейной традиции, обычно за ужином, семья собиралась за столом в полном составе. Делились новостями, разбирались детские проступки, планировали предстоящие работы.

Очень любили «гуртом» лепить вареники из ржаной муки с варёной картошкой или капустой. В этом интересном занятии участвовали и самые младшие. Каждый старался начинить один вареник чем-то необычным: завернуть в тесто дольку чеснока, наперчить, насыпать соли. Когда «сюрприз» попадал кому-то в рот, все весело и безобидно смеялись. Такие совместные занятия объединяли, сплавляли семью.

Мценск

Лишь в начале пятидесятых годов отца оставили в покое, перевели в город Мценск, и он осуществил свою мечту – построил семейный дом на улице Некрасова (в нём он и умер, не дожив до пенсии несколько месяцев).

В Мценске я окончил семилетку. Учение давалось легко. Любимым предметом стала литература. Диктант я писал на тройку, так как не запоминал правил. Изложение – на четыре. А уж сочинение всегда на пять!

И по этим признакам можно было увидеть способности к сочинительству. Но человека, который заметил это и дал мне «путёвку» в литературу, я встретил лишь в пятьдесят лет...

К окончанию седьмого класса я прочитал всё книги про путешествия, фантастику в детской библиотеке, и меня перевели во взрослую. Активное чтение значительно пополнило мой словарный запас, без которого не может состояться писатель.

Учиться в школе дальше я не захотел. Романтическая натура требовала новизны, приключений, притом немедленно! А какая из профессий могла дать это? Только геолога! И я решил ехать в город Старый Оскол поступать в Геологоразведочный техникум.

Вступительный экзамен я не сдал. Ночевали абитуриенты на голом полу, без постелей, в пустой аудитории. Ночью у меня украли деньги, которые отец дал на дорогу. Добираться до дома пришлось «революционным» способом, на крыше вагона, прячась от милиции и проводников. Настоящим мучением и испытанием становилось время, когда встречный ветер дул вдоль состава и травил меня смрадным дымом от паровоза. Среди ночи меня заметила проводница вагона. Эта душевная женщина уговорила спуститься, напоила чаем и устроила на третью, «солдатскую» полку. Домой я добрался до костей прокопчённым, но живым.

Отец хотел, чтобы я продолжил учёбу в школе, но я решил идти в Школу фабрично-заводского обучения – ФЗО, где через 10 месяцев получил специальность каменщика-печника. Она и стала моей жизненной профессией.

Я считаю, то была воля моего Всевышнего Покровителя, под защитой которого я жил и работал. Профессия строителя помогла осуществить мечту о познании Мира. А в те годы вся наша страна являлась огромной стройкой, и я побывал на многих.

В Мценске я написал своё первое литературное произведение – фельетон про баню. Опубликовал его под псевдонимом, чем переполошил местных журналистов: подумали, что к ним инкогнито заскочил опытный писатель. Меня «вычислили», предложили написать ещё, но – увы! Ничего не получилось. У меня не имелось жизненного «багажа», да и особого желания. Мне нравилось строить дома, класть печи, продолжать познавать Мир. Тяга к литературе появится позже.

На Урале

Прошло какое-то время, жизнь наладилась, мне стало скучно и снова потянуло «на подвиги». Отец предупредил: «Сынок, знай: стоит один раз стронуться с места – всю жизнь не остановишься!». Так и случилось. Но я не жалею об этом, иначе и писать было бы не о чем...

Перед службой в Армии я решил побывать на Урале, куда «вербовали» рабочих. Отец обиделся и не стал помогать в сборах. Но дедушка купил мне валенки, меховые рукавицы, кое-что из тёплой одежды. Всё это мне очень пригодилось.

Работать приходилось и в 30-градусный мороз. «Активировали», т.е. прекращали работать на открытом воздухе лишь при температуре ниже 40 градусов. Вот в таких условиях строили обогатительный комбинат в городе Кушва, рядом с горой Благодать, где железную руду добывали.

Хотя я и подросток годами, но озорного характера не изменил. Как-то в обеденный перерыв решил забраться по скобам на кирпичную трубу котельной, высотой более 70 метров. Не успел подняться и до половины, как выбежала вся контора. Уж мне досталось «на орехи»! Помню слова мастера: «Сопляк! Если тебе жизнь не дорога, то подумай о моих детях! Меня же из-за тебя в тюрьму посадят!» Я устыдился и обещал подобного не делать. Зато получил прозвище «верхолаза» и выполнял опасные работы в цеху под крышей, а он имел высоту более 30 метров.

Однажды у лестницы оторвалась ступенька, и, если бы не монтажный пояс, я разлетелся бы брызгами по цеху. В дальнейшей жизни бывали и

другие «смертельные» случаи, но, видимо, Покровитель хранил меня для иной цели. Не зря говорят: пути и замыслы Господни – неисповедимы.

На Урале влюбился вторично, а познакомиться опять побоялся. В юности я вообще стеснялся девушек, считая их существами неземными. Чтобы привлечь внимание избранницы, я окатил её ледяной водой из шланга, когда она переходила канаву по брошенной поперёк доске. Девушка свалилась в грязь. Выбраться я ей помог, а в благодарность получил увесистую пощёчину со словом «Дур-рак!» Определение соответствовало действительности...

Служу Советскому Союзу

Осенью 1956 года начался призыв в Армию, куда я тоже мечтал попасть. Но к тому времени я работал бригадиром, дела шли хорошо, и на меня наложили «бронь». Я взбунтовался, долго трепал нервы начальству и военкому, пока не добился своего – служить с одногодками. Распределили меня в войска противовоздушной обороны – ВНОС.

Курс молодого бойца проходил в Йошкар-Оле, а служил в пригороде Казани, где дислоцировался радиолокационный пост.

После военной разрухи Армия активно обустроивалась, и моя профессия оказалась весьма востребованной. Приходилось класть печи в новых казармах, штабах и домиках для офицеров. В подсобники давали старослужащих – «дедов». Они меня по-отцовски опекали, разрешали лишний часок поспать, называли «Чирик», «салажонок». Правда, и я скрывал от начальства их тайные выпивки и отлучки.

Служили мы в то время по 3 года. Дома больной отец выбивался из сил и попросил меня приехать в отпуск, помочь с дровами, с уборкой картофеля. Но меня не отпустили, и я в знак протеста отказался принимать пищу.

Сослуживцы и офицеры уважали меня за прямоту и честность, называли «совестью роты», приглашая решать бытовые конфликты. Поэтому, опасаясь, что солдаты поддержат бунтаря, а это уже «ЧП» армейского масштаба, я был срочно отправлен в штаб части. Разбирался со мной боевой полковник. Он не кричал, не грозил трибуналом, а спокойно, по-мужски объяснил: «Мы с тобой в армии, где властвует закон: не знаешь – научим, не хочешь – заставим! За невыполнение приказа нас в порошок сотрут! Не порть себе и нам жизнь. Давай забудем о твоей горячности, а с отпуском решим, когда отсидишь пять суток на гауптвахте. Всё понял?» Что оставалось делать? Плетью обуха не перешибёшь... Я уныло козырнул: «Так точно.», и отправился «на губу».

Конечно, офицеры пожалели юнца, не стали докладывать «по команде», иначе бы мне несдобровать... А отпуск дали, т.к. я не имел замечаний, служил и трудился прилежно.

Дела сердечные

В те годы среди солдат-срочников практиковалась переписка с «заочницами». Сообщили и мне адрес московской девушки Али. Служил я на должности электромеханика и дежурил по суткам. Ночами делать нечего, а спать нельзя, вот и пристрастился «строчить» письма длиной в тетрадку. Эта переписка стала моей практической школой в искусстве словотворчества.

Затем, будучи проездом в Москве, я спросил Альбину: «А если мне не понравится городская жизнь, ты поедешь за мной “на край света”?» «Нет, из Москвы я никуда не поеду», – ответила она. И я расстался с ней без сожаления: заочная «любовь» не имеет глубокой привязанности...

На третьем году службы познакомился со своей будущей женой, Фросей. Девушка оказалась строгой, и для её покорения требовалось время. Увольнительные давали редко, пришлось бегать на свидания тайком. Брат выслал денег на покупку лыжного костюма, чтобы меня не задерживал военный патруль. А между встречами я опять сочинял длинные письма.

Зима в тот год выдалась суровой, с морозами за 30 градусов. Солдатам в выходные разрешали кататься на лыжах, и я напрямик, через дачные огороды и покрытую льдом Волгу, бегал на свидания из района Дербышек в Ленинский район Казани. Вскоре и этого оказалось мало. Я пристрастился к ночным «самоволкам». После ужина «драил» пуговицы, подшивал свежий подворотничок, до блеска начищал сапоги.

– Куда это Вы собираетесь, рядовой Чиркин, – с улыбкой спросил однажды дежурный офицер.

– В самоволку, товарищ лейтенант! – нахально отвечал я, под смех сослуживцев.

Все в роте знали, что в начале службы у меня не было девушки и даже в увольнение я ходил редко, поэтому мои отлучки долго не вызывали подозрения. А я после отбоя бежал на автобус, ночь проводил с Фросей, гуляя по городу и греясь в подъездах, а к подъёму первым утренним рейсом возвращался в часть. Летом уже она приезжала ко мне в Йошкар-Олу, куда меня перевели после «голодовки».

Женитьба

Мне везло на добрых людей. Когда на выходной приезжала невеста, командир на сутки отпускал меня, старшина выдавал сухой паёк, разрешал брать небольшую палатку и котелок. В лесу я срубал штык-ножом верхушки молодых деревьев, накидывал на них палатку, и этот «шалаш» служил влюблённым убежищем. Мы были счастливы и познали верность поговорки: можно жить и в шалаше, если милый по душе...

Отдельно поясню: происходило это до брака, мы не имели интимных отношений. Всё основывалось на взаимном доверии, любви и порядочности.

В мае 1959 года я сообщил командованию, что хочу жениться и попросил отпуск. Мне ответили: «Если сдашь инспекторскую поверку на отлично – получишь и отпуск». Условие я выполнил, отстрелялся «в яблочко». Свадьбы у нас не было. «Медовый» отпуск решили провести у родителей Фроси в деревне, и все 17 километров пути к ней на ходу целовались. Как выдерживали губы – не знаю...

В первую брачную ночь под нами рухнула старенькая кровать, и грохот переполошил весь дом. Потом долго со смехом вспоминали этот забавный случай.

Многие не верили, что солдатский брак надолго. Но мы прожили вместе более сорока лет, вырастили двоих детей, имеем четверых внуков. Заботимся друг о друге и после развода.

Опять влип...

Подошло время демобилизации, и я решил вернуться в Мценск, где жила семья отца. Работать устроился на Консервно-овощесушильный комбинат, в стройбригаду. Туда же приняли и супругу.

На заводе я активно включился в общественную жизнь, был избран комсоргом, принят кандидатом в члены КПСС. По моей инициативе, «хозспособом», т.е. после работы и в выходные дни, без оплаты, мы, четверо рабочих, выстроили себе дом и вселились в новенькие двухкомнатные квартиры. А пожить не пришлось: я вывесил стенгазету с карикатурой на секретаря парткома, который пьянствовал на рабочем месте. Меня вызвали к директору и обвинили «в подрыве авторитета коммуниста». И я «закусил удила»...

Не думая о последствиях, сбегал на почту и дал телеграмму в Москву, на проходивший в то время съезд партии: «Программу КПСС читает пройдоха и пьяница такой-то». Москва среагировали быстро. Через час за мной прислали машину и прямо с работы доставили к «первому» в райком. Когда я рассказал о телеграмме, он взорвался: «Да как ты посмел?! А если Никита Сергеич упомянет наш район перед съездом?!» Я попытался

напомнить ему пункты Устава, по которому имел право критиковать «снизу доверху». Тогда «первый» пришел в ярость: «Да мало ли что там написано! Молокосос! Моли бога, что ты по возрасту не подходишь, не то мы пришили бы тебе членство в антипартийной фракции и загнали туда, где Макар телят не пас!»

– Ах, так! – возмутился я и в клочки изорвал кандидатскую карточку. После такого «святотатства» из кандидатов меня исключили и самым бесстыдным образом изменили отличную рабочую характеристику на отрицательную. Мне же при исключении пришлось обещать исправиться. От наивности...

В дальнейшем меня не раз агитировали вступить в партию, но я уклонялся, хотя многие не верили, что я – беспартийный. Одна наивная женщины сказала: «Если б таких, как ты, имелось десяток на сотню, мы бы коммунизм построили». Действительно, потеряв доверие к партии, в саму возможность коммунизма я верил, не жалея сил и здоровья строил его, т. к. пропаганда работала хорошо...

На Мангышлаке

Обидевшись, я хотел поменять место работы. Увы! Меня нигде не принимали, опасаясь конфликтов с райкомом. Тогда решил уехать к родственникам на Кавказ и в городе Невинномысске сумел выстроить дом.

Но и в нём прожил недолго. Чтобы рассчитаться с взятой ссудой и выбиться из нищеты, «зайцем» на самолёте перелетел Каспийское море и устроился работать в Строительно-монтажный поезд № 18. Он находился на вновь строящейся станции Новый Узень, на полуострове Мангышлак, где нашли большие залежи нефти. Рабочим там платили в разы больше, чем на «большой земле».

В СМП № 18, под руководством замечательнейшего человека, прораба Бориса Васильевича Горшечникова, я окончательно сформировался и как личность, и как специалист, и как бригадир.

Представляя меня к награждению Орденом Трудового Красного Знамени, он прилюдно заявил: «Конечно, характер у Чиркина сложный, но люди, общаясь с ним, становятся лучше. Не было такого задания, с которым не справилась бы и его бригада». Эта оценка для меня была равноценна полученному Ордену...

Наша строительная бригада наполовину состояла из условно-освобождённых заключённых – «химиков». Работали они хорошо, а вот в быту вели себя как дети. Получат деньги, пропьют и голодают. Я их жалел, отбирал (с их согласия, естественно!) у них деньги и выдавал каждый день

ровно столько, сколько стоил обед в «котлопункте» – столовой. Дашь больше – купят бутылку вина и напьются. Один из них, Володя Конюшко, сказал однажды: «Ну, бугор, рисковый ты мужик! Другому мы давно бы уши отрезали, а тебя уважаем. Ты справедливый, и сам пашешь, как папа Карло».

Действительно, мой метод руководства был прост: «Делай, как я».

Жили рабочие СМП в двухосных вагонах-теплушках, построенных ещё в царское время. Всё бы ничего, но нашими «сожителями» были тысячи клопов, прятавшихся под внутренней обшивкой стен вагонов. Едва мы выключали свет, как эти твари подбирались к нам со всех сторон и не давали уснуть. Мы пробовали спать на полу, наливать вокруг постелей воду. Увы! Паразиты вползали по стенам на потолок и падали на нас сверху... Добавьте к этому пыльные бури, сорокаградусную жару днём и невообразимую духоту в раскалённых за день вагонах ночью, и вы узнаете вкус мангышлакской романтики в полной мере...

И всё же станцию мы построили на год раньше проектного срока, так как работали по 10-12 часов без выходных! У нас не имелось ни радио, ни телевизора, и заняться, кроме работы, было нечем...

Ганюшкино

После сдачи в эксплуатацию станции Новый Узень последовал приказ о передислокации на станцию Ганюшкино для строительства новой железной дороги Гурьев – Астрахань. Станция Ганюшкино находилась в низовье реки Волги, километрах в 120 от Астрахани.

Вагоны немного подремонтировали, залили мазут в буксы колес и решили отправить своим ходом вместе с рабочими за тысячу километров. Меня назначили старшим по составу, и я бегал из конца в конец, улаживая проблемы. А жена отправилась закупать продукты в дорогу. Дети, шестилетняя Галина и четырёхлетний Павлик, остались в вагоне одни. В это время состав потащили на доформировку. Слышу крик: «Чиркин! Твои дети выпрыгнули!» Оказалось, как только поезд тронулся, Галя выбросила шапки, пальтишки, скомандовала брату: «Прыгай!» и следом спрыгнула сама. Слава Богу, они не покалечились, а мы получили серьёзный урок...

Через неделю состав притащили на станцию Ганюшкино, где предстояло построить «инфраструктуру», т.е. вокзал, школу, котельную, жильё и много чего другого.

Ради интереса сообщу: для функционирования железнодорожной станции требовался персонал из ста работников, а для обеспечения их жизни – посёлок на 400 человек...

В Ганюшкино прошёл интереснейший и очень насыщенный отрезок моей жизни в десяток лет. Во-первых, я был востребован и высоко ценился на любимой работе. Во-вторых, в низовьях Волги идеальные условия для рыбалки и охоты, которыми я увлекался с детства. Эпизоды из той жизни частично описаны в авторских рассказах в разделе «От Мангышлака до Котласа», потому повторяться не стану.

В Яренске

К 1973 году работа в Ганюшкино закончилась. Рабочих начали посылать в дальние длительные командировки без семей. Это всем надоело. Я написал письмо на «стройку Века» – Байкало-Амурскую магистраль (БАМ), но ответа не получил. И тут молодой мастер и друг Саша Евгеньев предложил мне перебраться на Север, в село Яренск Архангельской области.

Замечу: меня, убеждённого бродягу, перемена места работы и жительства не пугала. Я охотно согласился, т.к. на Севере не бывал. Со мной решили ехать и пятеро молодых каменщиков из бригады – моих воспитанников.

Встретили нас в Яренске хорошо. Мне дали благоустроенную квартиру, ребятам – бревенчатый дом под проживание. Работать устроились в Ленскую МПМК. Своих каменщиков организация не имела. Кирпичные здания возводили приезжие бригады – «шабашники». За короткое лето они не успевали окончить объект, и он переходил в «долгострой». Передо мной поставили задачу закончить эти объекты, обучить новичков из местной молодёжи и доукомплектовать бригаду каменщиков до 12-14 человек, что я в течение года и сделал.

В то время на стройках Яренска всё делали вручную. Мне пришлось внедрять передовые методы строительства. Дела у нас пошли успешно, налачился строительный «конвейер». Каменщики возводили кирпичные «коробки», а за нами следовали бригады других специалистов. Рос объём и масштаб строительства, появились мощные строительные краны. Организации с каждым годом увеличивали план, и мы многое успели построить.

Увы! С горечью и обидой скажу: возведённые строителями объекты – коровники, свинарники, огромная база мелиораторов – остались невостребованными и были разрушены и разворованы в девяностые годы, годы очередной бездарной реорганизации сельского хозяйства, названной «Горбачёвской перестройкой». Наш труд и народные деньги потратили впустую. Власть уже не справлялась со своими обязанностями и вела страну к общегосударственному кризису.

Главная стройка

В Яренске дети учились в «приспособленном» под школу бревенчатом доме, построенном в начале века, с плохо освещаемыми классами, и я поднял вопрос о строительстве нового, современного здания. Мне ответили, что денег на это нет. Тогда я послал письмо в ЦК КПСС. Вскоре деньги выделили, и строительство школы стало моей «лебединой песней».

Школа – объект большой, сложный, и я «дожигал» на нём своё здоровье, а когда почувствовал себя совсем плохо, оставил бригаду на мною же подготовленного ученика и ушёл в сторожа. В долгие северные ночи начал писать в местную газету «Маяк» небольшие заметки, рассказы, сказочки, так и втянулся... Но я отвлёкся.

Строительство школы близилось к завершению. Меня вызвали в райком партии и попросили помочь. Я не возражал, но предупредил, что силы мои на исходе, и меня нужно подлечить сейчас или сразу после сдачи объекта (мне обещали это и, конечно, обманули).

Чтобы люди неосведомлённые представляли, что такое сдаточный «аврал», приведу один факт.

В райкоме решили посылать в выходные на школу в помощь строителям, «как на картошку», служащих райцентра. Ходили и сами секретари. Собиралось до 100 человек. Мне же нужно было сходу спланировать их работу, выдать инструмент, показать и научить что, где и как делать, контролировать процесс. Кроме «привлечённых», работали и постоянные бригады разных профессий в полсотни человек, которые также требовали внимания.

Конечно, на объекте находились прораб, мастер и инженер. Но они осуществляли «общее», техническое руководство, занимались снабжением, «бумагами», свалив практическую организацию работ на меня...

Строители вложили много труда в новую школу, но торжественно отрапортовать «наверх» о сдаче к сентябрю не получилось, сдали немного позже. Не хватало материалов, рабочих, да и времени. В этом косвенно обвинили и меня, хотя я пропадал на объекте по 10-14 часов, без выходных, забросив домашние дела, семью.

Без ложной скромности скажу: без моего личного опыта, самоотверженной работы бригады каменщиков, которые выполняли любую нужную работу, помимо основной, школа перешла бы в «долгострой» с огромными дополнительными затратами.

На строительстве школы я вымотался физически и морально. Работать уже не мог, и мы полгода перебивались на пенсию жены в 46 рублей. Потом

и мне дали группу инвалидности. Пришлось снова убедиться: для существующей власти человек лишь «винтик». Из меня «выжали» всё и бросили...

На перепутье

По натуре я не могу жить без цели, движения к ней. Работа занимала в моём сознании и жизни две трети времени. Встал вопрос: как жить и стоит ли, если тебя корыстно, безжалостно эксплуатируют, а потом предадут те, кому веришь, под чьим руководством трудишься?

К сказанному добавлю: многие годы возглавляемая мной бригада считалась передовой, мой портрет находился на районной Доске почёта, большинство кирпичных зданий в районе построено под моим руководством или моими учениками.

Я первым в Яренске начал издавать художественные книги для детей, вёл большую общественную работу по организации досуга детей. На местном материале написана книга «По злой воле», за которую, по ходатайству Ильина Николая Евгеньевича, сельская администрация присвоила мне звание «Человек года». Но позже местный журналист издаст буклет «Ленский район: время, события, люди», где даже не упомянет обо мне, вычеркнув из истории района. Вот так отблагодарил меня Яренск.

Мои первые книжки

Жизнь научила меня «держат удар» и, чтобы заполнить опасную пустоту, я всерьёз занялся литературой. Мой небесный Покровитель обозначил направление, смысл дальнейшей жизни – совершенствовать мастерство словотворчества. Ну а трудностей я не боялся, так как всю жизнь провёл в пути к поставленным целям.

Первым человеком, поверившим в меня, как будущего писателя стала преподаватель литературы – удивительный, замечательнейший Человек – Валентина Константиновна Привалова. Она искренне радовалась моим успехам, учила, исправляла грамматические ошибки, пропагандировала мое творчество, защищала от недоброжелателей.

В то время я и не думал, что литература станет второй профессией. Но когда в областном альманахе «Сполохи» опубликовали 10 моих рассказов, в Яренск приехала секретарь Архангельской писательской организации Инэль Петровна Яшина, а с ней – редактор областного телевидения Галина Николаевна Щетинина с оператором. Они заявили примерно следующее: «Вы прожили чужую жизнь: класть кирпичи могли и другие люди, а вот если бы Ваше дарование вовремя заметили, дали соответствующее образование, то Россия получила бы полноценного писателя. И Вы не думайте, что

написанные книги – Ваша личная заслуга. Не может быть, чтобы обыкновенный каменщик на склоне лет сразу начал писать на уровне классика. Это – повеление Всевышнего».

Такое, почти «шоковое» заявление явилось для меня важным событием, укрепило уверенность и желание работать дальше.

В эти непростые годы я написал и издал на пожертвования местных жителей свои первые книги. «Загадки» для малышей была написана ручкой, так как пишущей машинки у меня не было. Размножили её на ксероксе в количестве пяти экземпляров. Далее вышли «В гостях у деда», «Лапка», «Третья молодость», «Сладкоежка и Дымовой». Книжку «В гостях у деда» набрали, издали и распространили в Архангельске комсомольские работники А. Горбунов и В. Павленко (в дальнейшем – мэр Архангельска).

Мои семейные дела разладились, не складывались отношения с семьей сына. Я разошелся с женой.

Здравствуй, Котлас

С началом «перестройки» хозяйство в Яренске начало стремительно разрушаться. Мне уже не могли оказывать материальную помощь предприниматели. В районной администрации заявили: «Какие книги, если зарплату платить нечем?!» Моё душевное состояние достигло критической черты... К тому же я надорвался при заготовке сена для коровы, и мне требовалась операция. В 1997 году я решил ехать оперироваться в город Котлас. В вещмешке за спиной лежала смена белья, полотенце, мыло и зубная щётка. В кошельке – месячная пенсия по инвалидности. Вот с таким «багажом» я и прибыл в Котлас.

В молодом городе Котласе мало древних достопримечательностей, но есть всё для полноценной жизни: железнодорожная узловая станция, с которой без проблем можно ехать «на все четыре стороны». Драматический театр с талантливыми артистами. Много интереснейших художественных коллективов. Три дворца культуры, кинотеатр и музыкальная школа «Гамма». Есть филиалы высших учебных заведений, педагогический колледж и медицинский техникум, несколько ПТУ для молодёжи. Первокласная больница. Отличный парк с аттракционами. Город окружён богатыми грибами и ягодами лесными угожьями. В Котласе вливаются в красавицу Двину реки Вычегда и Лименда. Естественно, есть школы, детские сады, торговые центры, рестораны, кафе и пр. Ведётся большое современное строительство. Нет отравляющих воздух «вредных» производств. Недалеко город-музей Сольвычегодск и вотчина Деда Мороза – Великий Устюг. Как говорится: живи на здоровье!

Но главным богатством города Котласа я считаю местных жителей-северян. Они приняли малоизвестного писателя, как родного. Судите сами.

Меня, скрюченного болью после операции, деморализованного жизненными проблемами, на несколько дней приютила и обогрела семья Л. К. и Н. И. Стрекаловских. Директор театра Б. С. Поляков выделил комнату в общежития на ул. Володарского. Из школы-интерната помогли постельными принадлежностями. Администрация города подарила пару стульев, стол и оформила в аренду компьютер. Главный редактор газеты «Двинская правда» В. В. Титов предложил сотрудничество «в любой форме». Редактор газеты «Вечерний Котлас» Н. Н. Завадский постоянно оказывал материальную помощь. Предприниматели и просто добрые, неравнодушные к литературе люди: В. А. Нечаевский, Б. Н. Вьюхин, А. В. Палкин, А. Н. Стрекаловский, А. Н. Попов, В. В. Слотин, О. В. Подмогильный, В. Н. Тищенко, О. Э. Зидман, Н. Г. Кокина, Л. Г. Чекалина, А. И. Шашурин, С. Н. Меленьтьев, А. В. Бральнин, Н. В. Тараканов, Г. З. Игин, Г. В. Головкин, О. А. Титова, Калинина Надя, Бондарева Светлана, Г. С. Захаров, Н. С. Жукова, Л. М. Данилова, Т. В. Филиппева, семья Пашковых, супруги Новинские, А. В. Денисова, И. А. Дубровина, И. А. Болтушкина, В. Н. Дубинина, Н. А. Неронов, В. П. Зубахин, Н. В. Конев, И. А. Зинина, С. Г. Полуянова, В. Голубева, Н. В. Шептяков, О. А. Коршунова с супругом, Л. А. Прахова, В. Н. Земцова, Л. Крюкова, А. А. Чиркова и ещё многие и многие котлашане помогали мне материально и морально освоиться, выжить и издавать книги в непростое кризисное время конца минувшего века. Огромную, бескорыстную помощь в редактировании книг оказала С. Г. Вирячева.

В Котласе я не раз влюблялся в прекрасных женщин, и это вдохновило на написание цикла «наивных» стихов. Правда, обрести новую семью не удалось, зато в Котласе Покровитель создал для меня хорошие условия для плодотворной работы.

Итоговой работой стал сборник: «По жизни с шуткой и всерьёз», куда я включил свои лучшие произведения для детей и взрослых. В нём есть: загадки и поучительные сказки для малышей, рассказы о животных и фантастика для подростков, бытовые рассказы и серьёзная историческая повесть, подборка юмористических миниатюр, любовь и лирика в виде «наивных» стихов. Сборник стал номинантом в областном конкурсе «Книга года». Общий тираж моих книг, изданных в разных издательствах, более 50 тысяч экземпляров. 40 тысяч из них для детей. Часть книг разошлась по Котласу и Архангельской области, а большая часть по России через столичные издательства «ДРОФА» и «Сказочная дорога».

Казалось бы, наступило время вступления в члены Союза писателей. Я получил хорошие рекомендации от известных писателей, издал шесть

книг, но... Опять подвёл мой характер. Я сумел нажать недоброжелателей среди «столпов» местной литературы. В Архангельском отделении СП меня «прокатили», отсрочив принятие с формулировкой: «Отложить принятие до выхода следующей книги». А их к тому времени было издано 6, в том числе основные. Это едва не стоило мне инфаркта, но на помощь снова пришли добрые люди, морально ободрили, поддержали. «У Вас есть талант, успех, читательские любовь и признание, Вы нужны людям. Не обращайтесь на околотитературные склоки и пишите, пишите». Так заявил в письме ко мне председатель ВГТРК В. А. Тунгусов. И я продолжил работать.

Приняли меня в Союз писателей сначала в городе Санкт-Петербурге. Протокол принятия с определением в детскую секцию подписал Б. Стругацкий, а членский билет М. Чулаки. Спустя несколько лет, со второго «захода», в 2007 году и архангельские писатели смирились и оформили меня членом Союза писателей России.

Оправдал ли я всеобщее доверие, – судить читателям моих произведений.

С уважением – Вячеслав Чиркин.

*Написано в мае 2012 г., поправлено и дополнено в сентябре 2017 г.
Мой адрес проживания: город Котлас, улица Ленина, 55, флигель 2.*

Телефон: +7 921 487 6828

Электронный адрес: Chirkin.vyacheslav@mail.ru